

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	8
--------------------	---

Часть I. Идеологическая кампания

Эпоха Андропова	16
Июньский пленум ЦК КПСС 1983 года	22
Писатели обсуждают пленум	29
Начало идеологической кампании.	44
Выступление журнала «Коммунист»	51
Первая жертва кампании — Виктор Петелин.	58
«Литературная газета» как рупор кампании	73
Защита Виктора Петелина	82
Вторая жертва кампании — Олег Михайлов	90
Сателлиты	102
Андрей Мальгин — «критик божьей милостью»	109
Третья жертва кампании — Натан Эйдельман	116
Разрушение жанра	127
Пламенные революционеры	136
Андрей Мальгин vs Александр Борин	145
Подмена жанра	150
О слоге Натана Эйдельмана	161
Серебряный камень	165
Камень преткновения и камень соблазна.	173
Халтура со взломом.	182
Виновен!	195
Небольшое расследование	200
Последний летописец	208
Эмма Герштейн	218
Реабилитация	228
Миф о пострадавшем критике.	234
Эпилог	243

Часть II. Моцарт и Сальери

Письма читателей	262
Введение к эпистолярию	268
Портрет рядового читателя	275
Источники эпистолярия	281

Сторона И. С. Зильберштейна

1. Письмо Т. В. Алексеевой (Москва)	283
2. Письмо А. Н. Блохинцева (Ульяновск)	284
3. Письмо Г. Зыряновой	288
4. Письмо И. И. Иванова (Ленинград)	289
5. Письмо Ф. Я. Кисельникова (Нелидово)	291
6. Письмо С. К. Кравченко (Киев)	292
7. Письмо И. А. Крайных (Читинская обл.)	298
8. Письмо К. Малыгина (Ростов-на-Дону)	301
9. Письмо Н. Михненко	302
10. Письмо Г. М. Мороза (Московская обл.)	303
11. Письмо А. С. Мыльникова (Ленинград)	305
12. Письмо В. К. Панчука (Одесса)	306
13. Письмо В. С. Смирнова (Норильск)	307
14. Письмо Ю. В. Труфановой (Иркутск)	308
15. Письмо А. Е. Шнейдера (Москва)	310

Сторона Н. Я. Эйдельмана

16. Письмо А. М. Адоскина (Москва)	312
17. Письмо Ю. П. Артамонова (Нижевартовск)	314
18. Коллективное письмо, подготовленное М. Е. Аршанским (Ленинград)	320
19. Письмо М. Е. Аршанского (Ленинград)	325
20. Письмо Ж. К. Атангаева и Л. А. Сыромятникова (Семипалатинск)	325
21. Письмо В. В. Бараева (Москва)	327
22. Письмо В. В. Бартошевича (Ленинград)	333
23. Письмо Г. Г. Валиулина (Ленинградская обл.)	350
24. Письмо Ф. И. Гончарова (Баткенская обл. Казахской ССР)	351
25. Письмо Я. А. Гордина (Ленинград)	353
26. Письмо Е. Гусевой (Москва)	356
27. Письмо Т. Е. Жесько (Московская обл.)	361
28. Письмо З. М. Каневского (Москва)	362

29. Письмо М. Г. Качурина (Ленинград)	366
30. Письмо М. Я. Кильберга (Ленинград)	369
31. Письмо В. Б. Кобринина (Москва)	372
32. Коллективное письмо ленинградских ученых	378
33. Письмо И. С. Култышевой (Москва)	380
34. Письмо И. М. Лосевой (Ленинград)	385
35. Письмо Ц. Г. Миллер (Москва)	386
36. Письмо Л. В. Мочалова (Ленинград)	388
37. Письмо неизвестного читателя	389
38. Письмо Д. М. Никаноровой (Москва)	390
39. Письмо Р. Л. Нотова (Петрозаводск)	392
40. Письмо Р. И. Пименова (Сыктывкар)	393
41. Письмо С. Б. Рассадина (Москва)	396
42. Письмо А. В. Ратнера и А. П. Шикмана (Москва)	397
43. Письмо Светланы Кузьминичны Н (Ленинград)	399
44. Письмо Н. М. Слепаковой (Ленинград)	402
45. Письмо З. Я. Софры (Ворошиловград)	403
46. Письмо В. Л. Степанова (Тамбов)	404
47. Письмо П. А. Тотчасова (Московская обл.)	406
48. Письмо В. А. Чалого (Ленинградская обл.)	408
49. Письмо К. В. Чистова (Ленинград)	408
50. Письмо Н. Я. Шабашовой (Ленинград)	409
51. Письмо А. П. Шикмана (Москва)	411
52. Письмо Э. Г. Эркомайшвили (Свердловск)	411

Дополнения

53. Письмо Н. Я. Эйдельмана	415
54. Записка И. С. Зильберштейна	417
55. Вторая записка И. С. Зильберштейна	417

Вместо заключения	418
-----------------------------	-----

Библиография	419
------------------------	-----

Указатель имен	432
--------------------------	-----

Введение

Каково было воздействие эпохи Андропова на литературу? На первый взгляд, этот генеральный секретарь ЦК КПСС не был особенно занят вопросами литературы: предостаточно было в тот момент для страны намного более важных вопросов. Не говоря о том, насколько глубокий след в народной памяти оставил своими произведениями его предшественник — лауреат Ленинской премии 1979 года по литературе за трилогию бессмертных творений «Малая земля», «Возрождение», «Целина».

Но были и другие точки зрения. Например, в 1988 году, то есть уже в эру Горбачева, поэт и журналист Е. В. Шевелева (1917–1998), знавшая Андропова еще по комсомольской работе в Ярославле, выступила с трибуны VIII съезда писателей СССР; ровесница Революции в тот момент привлекла своими словами внимание не только зала, но и всей страны:

В моем поколении был истинный поэт, пожертвовавший литературной славой ради партийного и государственного дела. Он мог бы и подборки своих стихотворений печатать, и несколько книг издать. Но он отвергал такие предложения.

Его звали Юрий Владимирович Андропов.

Пусть строки поэта Юрия Андропова хотя бы один раз прозвучат на писательском съезде:

*...Мы бренны в этом мире под луной:
Жизнь — только миг, небытие — навеки.
Кружится во Вселенной шар земной,
Живут и исчезают человеки...
Но сущее, рожденное во мгле,
Неистребимо на пути к рассвету,
Иные поколенья на Земле
Несут все дальнейшие жизни эстафету¹.*

¹ Восьмой съезд писателей СССР: Стенографический отчет. М.: Советский писатель, 1988. С. 393.

Однако если Ю. В. Андропов и будет нас интересовать, то не как истинный поэт, а все-таки как генеральный секретарь ЦК КПСС, чей литературный вкус опосредованно влиял в свое время на всю отечественную литературу и судьбу ее деятелей.

Впрочем, мы первоначально и не думали, что академический интерес к памятному современникам поединку двух деятелей отечественной словесности приведет нас к необходимости более широкого анализа событий 1983–1984 годов. Разбираясь в сути конфликта писателя Н. Я. Эйдельмана (1930–1989) и литературоведа И. С. Зильберштейна (1905–1988), который разыгрывался на страницах «Литературной газеты», мы поначалу, как и современники событий, оставались в шорах этого частного противоборства. Методы полемики, которые позволил себе «старейший советский литературовед», были настолько непривычны для 1980-х годов, что читатели, почуяв холодок сталинской эпохи, долго не могли прийти в себя. Именно оторопь, в которую вводили слова Зильберштейна читателей, не позволила современникам понять, каким же образом в годы тотального торжества развитого социализма возникла такая брань на газетных полосах.

Не секрет, что писатель Натан Эйдельман был одним из властителей дум той печальной эпохи. В среде профессиональных историков отношение к писателю Эйдельману было различным, и не всегда положительным, отражая традиционную картину, когда к популяризатору науки относятся как к литератору, то есть как будто бы несерьезному ученому. Отчасти поэтому литературоведы и прочие гуманитарии, не говоря уже о непосредственно широчайшем круге читателей его книг, ценили Эйдельмана несравненно выше, чем собственно историки. К тому же кабинетный ученый не всегда может оценить просвещенческий, если так можно выразиться, эффект от беллетризованных исторических работ: круг их совершенно иной, воздействие также иное, к тому же и отчасти непредсказуемое. Не говоря уже о том, что критическое отношение братьев по цеху объяснялось традиционным для ученого мира сальеризмом: мало кто из историков, в особенности никогда не вступавших на профессорскую кафедру, мог получить при жизни столько лавров. Заслужены же эти лавры были титаническим трудом, сведшим Н. Я. Эйдельмана в могилу в не слишком преклонном возрасте: он не дожил до шестидесяти. Историк В. Б. Кобрин (1930–1990) пишет: «Эйдельмана интересовало всё, и он всем увлекался»¹, а такой подход к жизни сулил как радости и победы, так и разочарования и ошибки.

Работоспособность его была удивительной. Он написал много солидных исторических трудов, вполне достойных, чтобы выставляться в соискатели докторской степени, но не до степени ему было. Ему важно было другое — говорить

¹ Кобрин В. Кому ты опасен, историк? М.: Московский рабочий, 1992. С. 191.

не с избранными, а со многими тысячами и делиться с ними, читателями, дороги-ми ему знаниями и мыслями¹.

И хотя, как видно из планов Н. Я. Эйдельмана на 1984 год², мысль о защите докторской диссертации «по совокупности научных работ» не была ему чужда, Эйдельман-писатель в конце концов победил Эйдельмана-историка.

Чтобы понять, какова была его популярность, приведем любопытный факт:

На юбилейном вечере Булата Окуджавы даже популярнейший Михаил Жванецкий все просил ведущего, чтобы его выпустили выступить перед Эйдельманом, а выйдя все же сразу после него, сказал: «После Эйдельмана выступить трудно. Ведь он сам гораздо более популярен, чем те люди, о которых он пишет»³.

Действительно, современники считали его выдающимся. Даже больше: друг писателя Владимир Рецптер вспоминал:

На одном из первых вечеров памяти Эйдельмана, в московском музее Пушкина, я назвал его гением. Здесь же меня поддержал Рассадин. Имелось в виду и то рабочее творческое содержание, какое вносил в это слово пушкинский Моцарт, и простое доказательство того, что гении могут участвовать и в нашей жизни. Мы этим словом почти не пользуемся, что в общем-то благоразумно. И время бездарно, и слово исторически искажено. Кого смели так назвать в вечном присутствии «гения всех времен и народов»? Может быть, лучше было бы сказать об органическом «моцартианстве» Натана?.. Нет, гений и гений! У Моцарта, то бишь у Пушкина, слово имело щедрый, демократический смысл. «Как ты да я»⁴.

Но когда в жизни Н. Я. Эйдельмана возник И. С. Зильберштейн, который под видом критики повести «Большой Жанно» бесчестил автора, то Натан Яковлевич не скрежетал зубами: на обиды у него, судя по отзывам друзей и современников, попросту не доставало времени и сил (тоже вполне моцартовская черта). Впрочем, за него И. С. Зильберштейну ответили читатели; исследователь творчества Лермонтова Ц. Г. Миллер написала тогда:

Ваше имя основателя «Литературного наследства» почти легендарно. Ваши искусствоведческие и литературоведческие труды сохранятся надолго. Зачем же Вы

¹ Натан Эйдельман: [Некролог] // Пути в неизвестное: Писатели рассказывают о науке: Сб. 22-й / Сост. Б. Г. Володин. М.: Советский писатель, 1990. С. 568.

² Архив Исследовательского центра Восточной Европы при Бременском университете (Die Forschungsstelle Osteuropa an der Universität Bremen). Дневник, 1984, январь.

³ *Городницкий А. М.* И жить еще надежде... М.: Вагриус, 2001. С. 581.

⁴ *Рецптер В.* Смерть Сенеки, или Пушкинский центр. Роман. [Начало] // Знамя. 2019. № 8. С. 13–14.

мараете это имя? Ведь эту статью печатные страницы тоже сохранят. По-моему, очень страшно жить с сознанием, что оказался среди участников травли. И что привело Вас к этому? Почему-то кажется, что Вы читали книгу с предвзятостью. Может быть, дело в том, что критикуемый Вами автор использовал Ваши труды, и Вам не понравилось, как он это сделал? Но что получилось? Эйдельмана как автора «Большого Жанно» знают 300 тысяч, Вас как искусствоведа и литературоведа знают специалисты, но Вас как автора этой черной статьи узнают миллионы читателей «Литературной газеты», и очень многие поймут что к чему¹.

Но и это со временем тоже забылось: в 1980-х эта дискуссия еще была предметом рассмотрения, впрочем, только в работах литературных критиков и в рамках изучения жанра исторической прозы²; позднее следы былых бурь начали исчезать. Скажем, в 2000-е годы, когда издательство «Вагриус» переиздавало основные сочинения Н. Я. Эйдельмана, в томике «Большого Жанно» мы не найдем ни предисловия, ни даже комментария (указан лишь редактор — Е. Д. Шубина, хотя вряд ли посмертное издание подразумевает серьезное редакционное вмешательство в авторский текст)³. Биографы Н. Я. Эйдельмана как будто и вовсе не заметили этой газетной дуэли⁴, оттененной будущей перепиской Н. Я. Эйдельмана и В. П. Астафьева; лишь глава в книге Полли Джонс содержит некоторые подробности дискуссии о «Большом Жанно»⁵, хотя и там нет никаких соображений о действительной природе этой полемики, а Эйдельман порой называется Юрием.

Но наша книга посвящена не только (и не столько) Н. Я. Эйдельману, сколько последовательности событий 1983–1984 годов, которые позволили выплеснуться на полосы газет и журналов множеству обвинений в адрес различных как по таланту, так и по мировоззрению литераторов. И было бы ошибочным свести тот громкий диалог двух деятелей культуры исключительно к личному конфликту, хотя бы и имеющему в основе столь яркий образ истории мировой литературы: никогда бы они не смогли так откровенно высказаться, если бы это в тот момент не оказалось выгодно власти.

Речь идет об идеологической кампании, которая была направлена на борьбу с отступлениями от исторической правды. Никогда ранее такая кампания

¹ Полный текст письма см. с. 386.

² Кардин В. По существу ли эти споры? М.: Современник, 1989. С. 227–238; Гусейнов Ч. Этот живой феномен: Советская многонациональная литература вчера и сегодня. М.: Советский писатель, 1988. С. 169.

³ Эйдельман Н. Я. Большой Жанно: Повесть об Иване Пущине. М.: Вагриус, 2004.

⁴ Hamburg G. M. Writing History and the End of the Soviet Era: The Secret Lives of Natan Eidel'man // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. [Washington,] 2006. Vol. 7, № 1 (Winter 2006; New Series). P. 71–109.

⁵ Jones P. Revolution Rekindled: The Writers and Readers of Late Soviet Biography. Oxford: Oxford University Press, 2019. P. 214–228.

не упоминалась в работах по советской истории, нет ее следов ни в трудах по истории литературной критики, ни в истории цензуры¹. Тем не менее мы проследили и ее истоки, и ее течение, вычленили имена ее героев и имена ее жертв. Результаты наших изысканий, наблюдений, сопоставлений мы и предлагаем читателю.

Несмотря на кажущуюся изученность эпохи Андропова, мы столкнулись с очевидными трудностями при формировании источниковой базы наших изысканий. Это, во-первых, очевидная и год от года усугубляющаяся сложность при доступе академических ученых к архивным документам. До сих пор значительная часть архивных фондов высших органов власти в РГАНИ и Архиве Президента РФ недоступна исследователям — это касается не только дел, но даже и описей многих фондов; также восстановлен режим секретности для многих архивных дел, доступных ученым в 1990-е годы. Документы первичных парторганизаций, районных и городских комитетов партии в значительной степени также имеют режим секретности; рассекречивание их (хотя бы и частичное) производится по заявлению исследователя, но требует времени и не позволяет в разумные сроки произвести сквозной просмотр делопроизводства определенных партийных инстанций.

Во-вторых, не менее болезненна для исследователей новация, связанная с ограничением допуска к архивным делам, содержащим так называемые персональные данные граждан. В прежние годы такие запреты касались преимущественно подробностей биографии, открываемых при разборе руководством первичных партийных организаций так называемых персональных дел, но с недавних пор мы наблюдаем тотальный запрет и в тех областях архивного дела, которые, казалось бы, не подразумевают излишних строгостей. Скажем, уже практически невозможно, как в прежние годы, получить справку из архивов вузов и организаций, а также отделов для уточнения биографических сведений изучаемых персоналий (дата рождения, дата смерти, место рождения, сведения об образовании, партийный стаж и т.д.).

Особенно чувствительной оказалась перемена, произошедшая около 2019 года в политике выдачи архивных дел в РГАЛИ, документы которого принципиально важны для решения поставленных в нашем исследовании задач: мы столкнулись со значительным числом отказов в выдаче, казалось бы, совсем невинных с точки зрения содержания архивных документов. Причем достаточно было одного листа с «персональными данными» (будь то размер гонорара за книгу или нечто подобное) в объемном архивном деле, чтобы хранение отказывало нам в выдаче дела целиком. Для сведения читателей скажем, что в тех же бывших партийных архивах, где материалы заседаний

¹ Рейфман П. С. Из истории русской, советской и постсоветской цензуры [Электронный ресурс]. Тарту, 2001–2011. Глава 9: Похороны генсеков. С. 945–962. URL: <http://reifman.ru/soviet-postsoviet-tsenzura/glava-9/>.

нередко содержат разбор персональных дел с массой нелицеприятных подробностей из личной жизни фигуранта, листы с этими сведениями «конвертируются», то есть перед выдачей дела в читальный зал закрываются большим конвертом, тогда как все остальные сто-двести-триста листов дела доступны для научной работы. Ситуация в стране меняется, меняется и архивная практика. Единственным законным способом ознакомления с подобными делами остается возможность заказа на платной основе копий «разрешенных» листов из него (чем мы отчасти и воспользовались), однако мы искренне сожалеем, что некоторых документов мы так и не смогли получить для изучения.

В-третьих, еще одно затруднение возникло в процессе эвристики документов даже не высших органов власти или руководящих партийных органов, а, казалось бы, легко доступных исследователю материалов: архивных фондов редакций газет и журналов, издательств и писательских объединений, их первичных парторганизаций. На проверку оказалось, что в значительной степени материалы за интересующие нас годы утрачены в силу обстоятельств конца 1980-х, когда были нарушены привычные ранее принципы делопроизводства. Текущие дела многих организаций так и не дождалось передачи на государственное хранение, а были уничтожены течением «глобальной геополитической катастрофы», то есть сперва не сданы в архив, а потом и попросту выброшены. Так погибло значительное число материалов, из которых наиболее чувствительным для нашего исследования было отсутствие материалов первичной парторганизации «Литературной газеты», да и сам фонд этого издания в РГАЛИ оказался крайне беден в части интересующего нас хронологического периода.

Тем не менее именно архивные поиски оказали нам решающую помощь при написании этой книги. Речь как о государственных архивах (ГА РФ, РГАНИ, РГАСПИ, РГАЛИ, ЦГА Москвы, НИОР РГБ, ОР РНБ и т. д.), так и о богатейшем архиве Исследовательского центра Восточной Европы при Бременском университете (Die Forschungsstelle Osteuropa an der Universität Bremen), где сохраняется та часть архива Н. Я. Эйдельмана, которая сформировалась у него в 1980-е годы. Началу же работы над темой мы обязаны материалам архива И. С. Зильберштейна (ныне РГАЛИ, фонд не разобран), с которым мы смогли ознакомиться во всей полноте, насквозь просматривая папки, накануне передачи его на государственное хранение.

При этом собственно эпоха достаточно полно рисуется нами по обширной литературе, как историко-документальной, так и мемуарной. Даже может создаться впечатление, что эпоха Андропова совсем уж понятна, полностью изучена и вряд ли преподнесет какие-то сюрпризы. Однако настоящая книга позволяет показать, что и не столь далекое от нас время может еще таить в себе много неизведанного.

Первая часть книги является собственно описанием неизвестной ранее идеологической кампании по борьбе с отступлениями от исторической правды. Кроме официальной, видимой части, мы делаем некоторые отступления, которые не только важны в историческом отношении, но и помогают понять действия героев в момент идеологической кампании.

Вторая часть представляет собой совершенно исключительный эпистолярный памятник эпохи: собранные нами в различных архивах, ранее никогда не публиковавшиеся отклики на погромные статьи; все они посвящены главному событию этой кампании — публичной полемике И. С. Зильберштейна с Н. Я. Эйдельманом. Эти письма помогают понять накал конфликта, отношение к нему различных слоев советского общества, но еще более — рисуют нам портрет читателя той эпохи.

Мы рады выразить свою благодарность сотрудникам архивов и библиотек, в тиши которых нам выпало трудиться над этой книгой, а также всем, кто словом или делом помогал нашей работе; особенно — Марии Классен, Александру Осповату, Габриэлю Суперфину, Льву и Александру Соболевым. Также выражаем признательность редакции «Литературной газеты» за возможность воспроизвести в настоящем издании статьи А. Мальгина, И. С. Зильберштейна, Н. Я. Эйдельмана и редакционные комментарии к ним¹.

¹ Лицензионный договор б/№ от 8 декабря 2021.